

БОРИС РЫБАКОВ

Колыбель отечественной государственности

КОММУНИСТ**1982 № 7**

I

Киев — один из старейших городов Европы, более трех столетий являвшийся центром первого восточнославянского феодального государства — Киевской Руси. Он был не только стольным городом этой огромной державы, занимавшей почти всю Восточно-Европейскую равнину, но и центром консолидации славянских племен, культурным средоточием древнерусской народности, давшей впоследствии начало трем братским народам: русскому, украинскому и белорусскому.

О важной исторической роли Киева в средние века свидетельствуют не только древние летописи, раскрывающие историю города (народные восстания киевлян, его оборону от степняков), не только великолепные постройки, украшенные фресками и мозаикой, но и народные былины, воспевающие Киев и его богатырей. Далеко не всегда историки получают возможность узнать народную оценку тех или иных явлений прошлого: придворные и монастырские хроники обычно заслоняют жизнь народных масс подробностями княжеских распрей и усобиц. Киев в этом отношении — исключение. На далеком русском Севере в двух тысячах километров от Киева вплоть до начала XX века народные сказители торжественно исполняли былины о давних событиях, о нашествиях печенегов или половцев, и почти каждый эпический сюжет начинался словами: «Как во славном было городе во Киеве...». Такова первая строка многих богатырских былин. И архангельские и олонечские крестьяне узнавали из этих былин о далеком прошлом Руси времен Владимира и Ярослава Мудрого.

О Киеве IX—X веков писали византийские и западноевропейские авторы (император Константин Багрянородный, епископ Адам Бременский), Киевом и дорогами к нему интересовались правители и географы арабо-персидского Востока, нанося на свои карты пути к этому городу и перечисляя вывозимые из него товары: Киев — «ближайший город русов к странам ислама. Место благодатное и местопребывание царей. Из него вывозят разнообразные меха и ценные мечи» («Книга областей мира». Источник восходит к первой половине IX века).

В XI—XII веках за право обладания Киевом крупнейшие русские князья вели длительные кровопролитные войны. Один из киевских летописцев середины XII века объяснял это и оправдывал тяготение к Киеву тем, что «кто же не

поллобит княжение в Киеве, так как вся честь и слава и величество и глава всем землям русским — Киев. Из всех многочисленных дальних государств стекаются сюда купцы и разные люди. И всякие блага из разных стран находятся в нем» («Никоновская летопись», 1155 год). Западные писатели подтверждают эти слова, упоминая о восьми торговых площадях Киева и называя столицу Руси соперником Константинополя.

У многих историков долгое время бытовало представление о том, что после взятия войсками Андрея Боголюбского в 1169 году Киев будто бы захирел и утратил свою былую славу. Этот тезис в корне неверен; он возник лишь вследствие того, что киевлянин, отразивший данное событие в летописи, был очевидцем осады и разграбления города и весьма красочно описал это в своей хронике. Литературное мастерство подменило историческую достоверность. Правда, Киев перестал быть столицей всех русских земель еще в 1130-е годы, когда сформировалось около полутора десятков самостоятельных русских государств-княжеств, и был столицей лишь одного из них. Но и в конце XII, и в начале XIII века он продолжал расцветать и оставался крупнейшим культурным центром не только Руси, но и Европы. Здесь создавались новые монументальные постройки, новые произведения живописи, не уступавшие поздне-романскому искусству Запада. Киевские златокузнецы совершенствовались в изготовлении великолепных изделий из золота с эмалью и из серебра с чернью, поражающих тонкостью выделки не только своих современников (например, немецкого знатока ремесел Теофила из Падерборна), но и искусствоведов XX века.

В Киеве на рубеже XII—XIII веков был составлен грандиозный летописный свод, представлявший собой историю славян и государства Русь с первых веков нашей эры до 1198 года. Тут в 1185 году родилось бессмертное «Слово о полку Игореве», патриотическая поэма, призывавшая князей к единению перед лицом общей опасности и мудро вскрывавшая исторические корни усобиц.

Печальным рубежом в истории Киева явилось нашествие Батюга и взятие города в декабре 1240 года. Киевляне мужественно защищали свой город, однако бегство князя с дружиной и подавляющее численное превосходство врага («от ржания коней и рева верблюдов в городе не была слышна речь») сломили их сопротивление. Последним оплотом киевлян была древнейшая часть города, где некогда князем Кием была воздвигнута на горе маленькая крепость. Угоняемые в плен горожане успели поспрятать свои сокровища, и вплоть до наших дней при земляных работах, археологических раскопках в старых частях украинской столицы часто находят золотые, блистающие многоцветной эмалью диадемы, браслеты, ожерелья.

Киев превратился в руины и более сотни лет не играл существенной роли в истории Европы. Лишь во второй половине XIV века он вновь становится центром большого княжества, владения которого охватывали древнюю Русскую землю (совокупность трех княжеств: Киевского, Переяславского и Черниговского) и, кроме того, простирались по Припяти до Турова, по Днепру до Могилева, а по Десне до Брянска. Эти владения входили в состав Великого княжества Литовского. Мы узнаем о них по «Списку русских городов дальних и ближних» конца XIV века, в котором к числу «киевских градов» отнесено свыше 70 городов и местечек. Киев снова во главе обширной области, хотя и не восстановившей своей политической самостоятельности.

На протяжении XV—XVII веков Киев превратился в крупнейший центр украинского народа, отстаивавшего свою свободу в борьбе с польским панством, владевшим Украиной. Он опять стал важным ремесленно-торговым пунктом, здесь нередко вспыхивали восстания против польских королевских властей. Поворотным моментом в истории города был 1648 год, когда украинские казаки овладели Киевом и Богдан Хмельницкий через древние Золотые ворота въехал в старинный исторический центр города, а в 1654 году после Переяславской рады, воссоединившей Украину с Россией, Киев торжественно встречал великое московское посольство. Возобновившаяся война с Польшей завершилась в 1667 году перемирием, по которому правобережье Днепра вновь оказалось под королевской властью. Однако московские дипломаты, проявив незаурядное искусство, долго боролись за один пункт на правобережье и в конце концов отстояли его. Этим пунктом был, разумеется, Киев. Турция в союзе с крымскими татарами предпринимала попытки овладеть городом, но они были безуспешны. Киев навсегда вошел в состав Русского государства.

В императорской России XIX века Киев был как бы третьей после Петербурга и Москвы «некоронованной» столицей государства. После Великого Октября, выдержав ряд тяжелых испытаний в схватках с буржуазно-националистическими силами, Киев после образования Союза Советских Социалистических Республик в 1922 году становится столицей новой, социалистической Украины. Совершенно естествен интерес исследователей к отысканию первичных корней этого города с его многовековой славной историей.

II

Первые историки Киевской Руси, участвовавшие в составлении летописного свода в 997 году, плохо представляли себе начальную историю своей столицы. Они довольствовались занесением на страницы летописи древнего народного предания, облекшего основание Киева в эпическую форму: на гористом берегу Днепра находилась земля славянского племени полян (которые потом стали называться Русью — «поляне, яже ныне зовомая Русь»). Поляне были «мужи мудры и смыслены», верования их были языческими, они почитали озера, источники и священные рощи. Трое братьев-полян (Кий, Щек и Хорив) жили на «горах», а затем построили новый «градок» среди какого-то бора, где были охотничьи угодья, и назвали его в честь старшего брата Кия — Киевом. Предание записано очень кратко, но с неизменной для эпических сказаний тройственностью героев-братьев. Имена братьев Кия могли быть произведены от приднепровских холмов Щековицы и Хоревицы. Дата основания «градка» Киева в предании не указана; она «терялась во мраке веков».

Однако в нашем распоряжении неожиданно оказываются данные, позволяющие несколько рассеять этот мрак: Н. Я. Марр, крупный знаток армянской литературы, установил, что в составе полуэпической истории армянского народа, датируемой VIII веком нашей эры, есть инородное для данного текста сказание о трех братьях, которое ученый справедливо сопоставил с киевским преданием. Старшего брата в армянской легенде звали Куар (Кий), среднего Мелтей, а младшего Хо-реан (Хорив); последний жил в земле Палуни (поляне). Братья-князья со временем построили на горе Каркея, где был «простор для охоты и... обилие трав и деревьев», новый город и поставили там двух языче-

ских идолов. Совпадение обоих преданий почти полное, но, естественно, возникает вопрос: каким образом армяне VII—VIII веков могли познакомиться со славянским эпическим сказанием о Кие, Щеке и Хориве?

Тут необходимо рассмотреть две возможности. Во-первых, славяне соприкоснулись с армянами в эпоху византийского императора Маврикия (582—602 годы). Второй реальной возможностью для армян ознакомиться с киевским преданием были события 737 года, когда арабский полководец Марван воевал с Хазарией и достиг «Славянской реки» (очевидно, Дона), где пленил 20 тысяч оседлых славянских семейств и переселил их в Кахетию, расположенную в непосредственном соседстве с Арменией. Этот второй вариант, пожалуй, более вероятен, чем дунайский, хотя в пользу первого говорит то, что именно в низовьях Дуная, как увидим дальше, жил и действовал реальный князь Кий и даже построил там (уже после основания Киева) городок Киевец. Армянская запись драгоценна для нас тем, что делает более древней дату основания Киева, относя ее по крайней мере в эпоху, предшествующую VII—VIII векам нашей эры.

Есть еще один метод определения возраста Киева — это археологические данные о поселениях на месте современного города. Раскопки с научными целями ведутся в Киеве с начала XIX века. Многие дали даже случайные находки при разных земляных работах. Но только советским археологам (М. К. Каргеру, П. П. Толочко, С. Р. Килиевич, Я. Е. Боровскому и другим) удалось воссоздать сводную картину многовековой жизни древнего города. Заранее надо оговориться, что, когда речь идет о *возникновении* того или иного города на заре государственности, не следует ожидать, что лопаты археологов откроют нам могучие стены и башни, просторные дворцы, улицы, торговые площади, пристани, храмы, пригороды — все то, что действительно открывают для более позднего времени *расцвета* городов. Нас не должно разочаровывать, что при своем основании будущая столица могла быть небольшим поселением или невзрачной маленькой крепостцой.

Второе условие использования археологических данных для воссоздания исторического значения того или иного пункта — широкий взгляд на жизнь всего региона, в котором данный пункт находится; здесь важно как место изучаемого пункта внутри региона, так и положение самого региона среди его соседей, его общая историко-географическая ситуация. Только при таком подходе можно приблизиться к пониманию исторической роли Киева. Анализ археологических материалов за две тысячи лет до образования Киевской Руси позволяет сделать следующие выводы: в конце бронзового века Среднее Поднепровье представляло собой восточную окраину славянской прародины. Отсюда, из лесостепной Киевщины, шла колонизационная струя праславян на север и северо-восток в лесную зону; в скифское время (VI—IV века до нашей эры) тут продолжали жить те же земледельческие праславянские племена, имевшие собирательное имя «сколоты», резко отличавшиеся по хозяйственному облику от скифов-скотоводов, но причисляемые греками к населению Скифии. Сколотские «царства» вели торговлю хлебом с Грецией через черноморский порт Ольвию близ устья Днепра. Район будущего Киева был тогда северной окраиной одного из этих сколотских «царств», центр которого находился южнее, очевидно, в излучине Днепра, близ низовий реки Роси, где известны скопления античного импорта и огромные земляные крепости, расположенные в самой сердцевине той обширной археологической группы курганов и поселений,

которую исследователи условно называют «киевской группой». Она простиралась вдоль Днепра (древнего Борисфена) на 400 километров, точно соответствуя описанию Геродотом (V век до нашей эры) земли «борисфенитов» протяженностью в «11 дней плавания». Процветание этого края оборвалось в связи с сарматским нашествием во II веке до нашей эры. Усилился колонизационный отток славян в более северную, лесную зону.

В эпоху существования Римской империи, продвинувшейся при императоре Траяне (рубеж I и II веков нашей эры) вплотную к славянским землям, возобновилось земледелие, и лесостепная зона вновь ожила. Доказательством широких торговых связей с Римом служат сотни кладов римских монет II—IV веков, обнаруживаемых в лесостепной славянской зоне Среднего Поднепровья. На территории самого Киева найдено в разных местах множество кладов монет, достигающих иногда размера сокровищ, измеряемых ведрами.

Взгляд на карту распространения находок римских монет в Восточной Европе в целом убеждает нас в том, что место будущего Киева лежало на северной границе области бытования римского серебра в регионе и представляло собой весьма насыщенный кладами участок. На киевских высотах и у их подножия найдено много монет и драгоценных римских изделий, вплоть до императорских медальонов. Не подлежит сомнению, что эти места были пунктом укрытия сокровищ и, очевидно, пунктом торговли «мудрых и смысленых» полян.

Во II—IV веках нашей эры наблюдается не только оживление торговли, но и общий подъем уровня славянской жизни в лесостепи. Появляется земледелие, остроумный аграрный календарь, гончарный круг, общая оборонительная линия, развиваются ремесла. Массовый приток римского серебра в славянские земли, знаменующий собой выгодный для славян торговый баланс, начался с эпохи императора Траяна, и, видимо, не случайно киевлянин XII века, автор «Слова о полку Игореве», назвал счастливые времена в истории славянства «трояновыми веками». Быть может, в Киеве сохранялись какие-то предания о древних ярмарках, на которых приезжие купцы расплачивались динариями с изображением императора, монетами, имевшими хождение в качестве денег еще два столетия? В исторической науке высказывалась мысль о том, что, основываясь на монетных находках, возможно, следует праздновать двухтысячелетний юбилей Киева. Во всяком случае, в жизни приднепровского славянства «трояновы века» сыграли важную роль: центр имущественной дифференциации, вычленения богатой социальной верхушки переместился из района реки Роси на север, к устью Десны, к месту будущего Киева. Это было серьезной подготовкой к возникновению здесь в будущем крупного исторического пункта.

В предварительном исследовании археологических материалов мы уже почти дошли до времени, близкого к легенде о Кие, Щеке и Хориве. Заранее нужно исключить конец IV и начало V века, когда Среднее Поднепровье испытало новый удар кочевников-гуннов. Легенда ничего не говорит о создании Киева как оборонительной крепости для защиты от наездов, а по археологическим данным мы больше знаем о пожарищах и разорении славянских поселений гуннами, чем о мирном строительстве.

KV—VI векам археология «Большого Киева», хорошо разработанная украинскими учеными, дает нам следующую картину. Наиболее заметным участком становится так называемая Замковая гора (Киселевка), расположенная над Подолом у Боричева взвоза и омываемая с запада и севера ручьем Киянкой. Она

была заселена уже в римское время. Вспомним теперь легенду: Кий первоначально сидел на какой-то горе, «где ныне (во времена летописца. — *Б. Р.*) увоз Боричев», а впоследствии Кий и его братья построили городок в другом месте, рядом с бором и охотничьими угодьями. На Замковой горе, или Горе Кия, найдены не только римские, но и византийские монеты конца V — начала VI века (например, императора Анастасия). Хорошо известен археологам и тот «градок», который поставлен на новом месте, — небольшая крепость на Старокиевской (Андреевской) горе, которая затем была включена в город Владимира I в конце X века и явилась административным и церковным центром столицы Руси. «Градок» Кия был действительно невелик: 120×150 метров. Его ограждали вал и ров с юго-востока и неприступные кручи горы с северо-запада. По армянской версии предания, в новом городке стояли языческие идолы. В 1908 году археолог В. В. Хвойко раскопал в самом центре этого городка интереснейший языческий жертвенник, ориентированный своими выступами по странам света. Легенда начинает получать обоснование фактами V—VI веков.

III

Размышлять о далеком эпическом времени основания Киева начали уже 900 лет назад. Для одних это было достоверное древнее предание, для других — сомнительная легенда. В XI веке соперничали между собой древний Киев и быстро развивавшийся Новгород. Новгородские историки перенесли это соперничество и в область истории, отрицая (как, например, позднейшие норманисты XVIII—XX веков) первичность русской государственности на юге, в Киеве. В угоду этой тенденции в летописях появляется фантастическая дата жизни Кия — 854 год. Никаких реальных оснований для такой датировки нет. Появляется и другая, более коварная версия: а откуда известно, что Кий был князем и основал город? Может быть, просто был переезд через Днепр, и лодочника звали Кием: «Ини же, несведуще, реша (говорили. — *Б. Р.*), яко Кый есть перевозчик был... темь глаголаху: на перевоз на Киев». Киевские историки не остались в долгу и ответили «несведущим». Первый ответ был дан в торжественной форме составителем летописного свода 1093 года. Перевод: «Как в древности был царь Рим (Ромул) и в его честь назван город Рим. Также Антиох и был город Антиохия... был также Александр [Македонский] и во имя его — Александрия. И во многих местах города были наречены во имя царей и князей. Так же и в нашей стране назван был великий город Киев во имя Кия».

Два десятка лет спустя крупнейший русский историк средневековья — киевлянин Нестор — предпринял целое исследование для выяснения древнейшей истории Киева, показав полную несостоятельность новгородского нигилизма. Нестор изучил древние сказания (а в его время еще хорошо помнили о готских походах IV века, о славянском князе Бусе, плененном готами, о нашествии авар и о славянских походах на Балканы в VI веке) и обрисовал облик Кия подробнее, чем в кратком предании. «Если бы Кий был перевозчиком, — писал Нестор, — то не мог бы ездить в Царьград (Константинополь). Но Кий был князем в своем племени и приезжал к императору, имя которого нам неизвестно, но мы знаем, что от того императора, к которому он ездил, князь получил великую честь. На обратном пути на Дунае Кий построил на понравившемся ему месте небольшой городок и предполагал осесть в нем со своими соплеменниками,

но местные жители воспротивились. До сих пор дунайцы называют “городище Киевец”. Кий же, вернувшись в свой город Киев, здесь и скончался... После смерти Кия и его братьев его династия правила в земле полян».

Московские историки XVI века, владевшие старыми рукописями, не сохранившимися до наших дней, довольно точно переписали это разыскание Нестора, сохранив интереснейшее дополнение к нему, которое могло быть и в первоначальном тексте Нестора, дважды подвергавшемся переделке: по московской (Никоновской) летописи Кий оказался на Дунае во время войны с тюрко-болгарами, которые кочевали в V веке в причерноморских степях, а в 499 году напали на Византию. Славяне начали свои нападения на Византию в 493 году. В дальнейшем, особенно в период царствования императора Юстиниана (527—565 годы), славяне широким потоком хлынули в пределы Византии, и императоры нередко принимали на службу отдельных славянских князей с их дружинами для охраны своей дунайской границы.

Нестор не знал имени цесаря, оказавшего «честь велику» Полянскому князю Кию, но он и не стал выдумывать его или называть случайное имя. Теперь, располагая византийскими источниками, мы можем сказать, что та историческая ситуация, при которой славянский князь был за какие-то заслуги обласкан и награжден византийским цесарем, строил крепость в низовьях Дуная, а потом вынужден был оставить ее, теснимый какими-то местными врагами (тюрко-болгарами?), очень подходит к эпохе конца V — первой половины VI века нашей эры.

Чрезвычайно важно, что Нестор поместил свой сюжет о князе Кие и о Киеве непосредственно перед рассказом о нападении на Дунай тюрко-болгар и авар (480—490-е годы). Исходя из этого, эпоху Кия следует датировать начиная от царствования императора Зенона (476—491 годы) и Анастасия (491—518 годы).

Византийский историк Прокопий Кесарийский передает рассказ, весьма похожий на летописное повествование о Кие. Один из военачальников императора Юстиниана, носивший антское (восточнославянское) имя Хильбудий, был отправлен на Дунай для защиты северной границы империи. Он потерпел поражение от других славян и вернулся на свою родину. Юстиниан обратился к антам с предложением занять город на Дунае для обороны империи. Анты, в которых следует видеть славян, которые жили между Днепром и Дунаем, выбрали Хильбудия, и тот отправился в Константинополь к императору. Совпадение с летописной версией почти полное. Юстиниан, блестящий император, создатель кодекса, строитель Софии Царьградской, был хорошо известен русским книжникам средневековья, и трудно допустить, чтобы именно он оказался «неведомым цесарем» Несторова рассказа: Анастасий же в русских источниках не упоминается. Возможно, запись Прокопия Кесарийского передала свежее еще в его время сказание о Кие и его делах на Дунае, совершенных несколько ранее, при Анастасии. Впрочем, ситуация могла и повториться.

Из осторожности период деятельности исторического Кия, князя земли полян, следует датировать отрезком времени от конца V до начала VI века. На этот же отрезок времени падает и возникновение нового городка на высокой горе, нареченного в честь его создателя Киевом. Судя по порядку событий в летописной записи о Кие, Полянский князь сначала построил «градок» на Днепре, а затем уже отправился в Византию.

Размышления о начале Киева на этом не кончились. Как установил А. А. Шахматов, с вокняжением в Киеве в 1113 году Мономаха рукопись Нестора, законченная при предыдущем князе, попала в руки Сильвестра, внесшего в нее ряд переделок. Сильвестр, завершивший свою обработку к 1116 году, включил в летопись совершенно новый мотив, сделав предысторию Киева древнее еще на несколько столетий. Церковную легенду об апостоле Андрее (I век нашей эры), якобы побывавшем в Синопе на южном, византийском берегу Черного моря, Сильвестр дополнил своим грубоватым вымыслом о невероятном путешествии апостола с юга на север через всю Русь вверх по Днепру. Оказавшись на берегу реки у подножия гор, там, где впоследствии возникнет Киев, Андрей будто бы предсказал, что «на сих горах... имать град велик быти». На горе он поставил крест «и слез с горы сея, идеже послеже бысть Кыев».

Сильвестр, как видим, не отвергает предания об основании города князем Кием в той расширенной форме, которую придал ему Нестор, но он предваряет его в отредактированном тексте своим рассказом об Андрее. Не родилось ли это неожиданное дополнение из того обилия кладов римских монет, которыми до сих пор столь богата земля Киева? Ведь если многие десятки кладов и отдельных монет обнаружены в Киеве на протяжении XIX—XX веков, то и во времена Нестора и Сильвестра, когда в городе велось интенсивное строительство и во многих местах производились различные земляные работы, из глубины древних пластов могли извлекать античные монеты. Тогда вставку Сильвестра следует считать не столько вымыслом, сколько домыслом, объяснявшим (правда, очень примитивно) такие интересные находки.

Окончательное редактирование «Повести временных лет» Нестора осуществляется, по мнению Шахматова, около 1118 года под наблюдением князя Мстислава Владимировича, сына Мономаха. Внук (по матери) английского короля, муж варяжской принцессы, тесть норвежского и датского королей, князь, двадцать лет проведший на севере Руси в Новгороде, Мстислав был прочно связан со всей Северной Европой и именно с этих позиций смотрел на историю Руси, преувеличивая роль северян-варягов в ее судьбах. Везде, где только можно было, Мстислав вставлял легенды о варягах, о призвании варяжских князей и отождествлял варягов с русами, становясь тем самым родоначальником ошибочной и тенденциозной норманской теории.

Эта тенденциозная редакторская правка сильно исказила и отдалила от истинного положения вещей историю возникновения Киева и Киевской Руси. На место действительно древнейшего восточнославянского города Киева неправомерно был поставлен Новгород, новый город, построенный в IX веке для противодействия варяжским наездам на северную окраину Руси. К счастью для науки, редакторы-норманисты XII века не выкинули из своей летописи разыскания Нестора о князе Кие, подобно тому как они поступили с некоторыми разделами исторического введения. Впрочем, объективные археологические материалы, свидетельствующие о строительстве города на рубеже V—VI веков, рано или поздно восстановили бы историческую истину, но мы были бы лишены интереснейшего свидетельства о событиях того времени: о связях Киева с Царьградом, о Киевце на Дунае, о войнах с тюркскими кочевниками в придунайских степях и о самом князе полян — Кие, родоначальнике династии славянских князей.

Археологический комплекс V—VI веков, связываемый с историческим Кием — Гора Кия (Замковая гора), издавна заселенный торговый Подол и даже новая крепость, градок Кия на Старокиевской горе, — сам по себе недостаточно внушителен и обширен, чтобы только по его облику и размерам можно было бы определить его важную общеславянскую роль, предугадать его блестящую будущность.

Только широкий взгляд на события во всем славянском мире и на место киевских гор в этих событиях позволит нам понять то, что началось в VI веке, а завершилось созданием государства Русь с естественным и устойчивым центром в Киеве.

Летописцы начинали историю Киевской Руси с рассказа о князе Кие, то есть, как мы теперь выяснили, с V—VI веков нашей эры. События этой эпохи таковы: во-первых, ряд нашествий кочевых народов, под натиском которых рушились одни союзы славянских племен (например, союз Дулебов) — и крепились другие (Русь, объединившая в VI веке Полян и Северян). Во-вторых, началось великое расселение славян в Европе, о котором Нестор писал так: «Спустя долгие времена после пребывания на исконной земле славянские племена расселились по Дунаю, где в настоящее время (начало XII века) находятся Венгрия и Болгария». Это грандиозное военно-колониционное движение славян началось в самом конце V века и продолжалось на протяжении всего VI века, перекроив заново этническую и политическую карту Европы. Создалась особая ветвь славянства — южные славяне; сложились новые государственные образования, наследниками которых являются современные Болгария и Югославия.

Из своих исконных земель славяне двигались двумя широкими потоками: западный поток шел на средний Дунай и далее на юг; этих славян так и называли славянами («славени», «склавины»), славян восточного потока именовали «антами» — словом неизвестного происхождения и быстро исчезнувшим. Этот восточный поток двигался по Днепру, по степям к низовьям Дуная и далее на юг сквозь весь Балканский полуостров, вплоть до земли древней Спарты. Откуда шел этот поток, сломивший сопротивление Византии и оказавшийся в силах ослабить чуть ли не весь Балканский полуостров? Одной из его составных частей были славянские дружины лесостепного Поднепровья, оставившие явные археологические следы своего пребывания на Дунае в виде серебряных фибул (застежек для плащей) особого, приднепровского типа. Это были соплеменники и современники князя Кия, ходившие с ним на Дунай. Об этих походах помнил и автор «Слова о полку Игореве», писавший о том, что сказитель Боян пел о древних походах, когда скакали «в Тропу Трояню через поля на горы».

«Тропа Трояня» (Tropheum Trajani) — огромный монумент в низовьях Дуная, поставленный императором Траяном в ознаменование своих побед, находился в трех-четыре дня пути от дунайского Киевца. Этот видимый издали величественный памятник в степи указывал славянам путь «через поля на горы», на Балканский хребет, современную болгарскую Стару-Планину.

По всей вероятности, и приглашение неизвестного цесаря было послано князю Кию не тогда, когда он жил в своем далеком днепровском городе, а тогда, когда киевские дружины воевали в низовьях Дуная и легко могли выполнить поручение императора.

Славянские князья, подобные Кию, были представителями той части племен, которая участвовала в южных походах к границам Византии, но не оставалась там навсегда, а возвращалась на свои исконные земли. Это относится особенно к первому этапу славяно-византийских отношений, когда граница империи еще не была взломана на всем ее протяжении, когда Дунай еще разделял две борющиеся силы: южный правый берег еще контролировался Византией и ее союзниками (иногда из славян же), а северный, левый берег уже заполнялся накапливавшимися здесь славянскими дружинами. Об этом, в частности, свидетельствуют упомянутые серебряные застежки для плащей (фибулы) приднепровского лесостепного типа, являвшиеся принадлежностью дружинного убора: находки этих фибул V—VII веков густо усеивают северный берег Дуная, почти не переходя на южный, византийский. Они отражают начальный этап славяно-византийского единоборства, когда славяне только накапливались на берегу Дуная, готовясь к завоеванию всего полуострова. Очевидно, именно к этому, раннему, этапу и относится деятельность князя Кия, в городе которого, судя по археологическим находкам, тоже носили такие серебряные фибулы.

Второй этап был более массовым; после овладения пограничными крепостями славяне буквально растеклись по всем землям Балканского полуострова и осели в плодородных долинах.

Чрезвычайно важно наблюдение советских лингвистов над диалектами болгарского языка: во многих диалектах прослеживается древнее соприкосновение предков современных носителей диалекта с отдаленными прибалтийскими племенами (предками латышей и литовцев), которые в то время были расселены значительно шире. А это означает, что в походах на Византию в VI веке участвовали не только те славянские племена, что заселяли исконную славянскую лесостепь, но и более северные племена обширной лесной зоны, смешавшиеся в процессе колонизации на север (в I—III веках нашей эры) с местными балтийскими племенами и ассимилировавшие их (например, кривичи).

Взглянем на эти восточноевропейские события V—VI веков нашей эры с точки зрения Киева. Город Кия находился на рубеже двух ландшафтных зон — лесостепной и лесной. В культурном отношении его район всегда входил в южную лесостепную зону, но его положение в этой зоне, его удаленность от степей с их воинственными кочевниками создавали благоприятные условия для жизни здесь в те времена, когда степной юг после гуннского и аварского нашествия стал особенно опасным.

Когда в первые столетия нашей эры началось колонизационное движение на север, в лесную зону, район будущего Киева был последней точкой в исконной славянской земле, которую покидали уходившие в леса колонисты.

Возможно, что существовали какие-то торговые связи между югом и севером, отраженные находками монет. Когда же славяне лесостепной зоны сформировали мощные племенные союзы (в одном из них и княжил Кий), продвинулись в глубь степей и дошли до границ империи, то в это движение включились и северные лесные племена. Пути их на юг пролегали по многочисленным рекам: Днепру, Десне, Сожу, Припяти, Березине. Вот тогда-то и возникла у киевских гор новая историческая роль — место будущего города лежало по течению Днепра ниже всех перечисленных рек. Ближайшими к Киеву были устья Десны и Припяти. Все племенные дружины, которые плыли по рекам лесной зоны и стремились либо к южному чернозему, либо к уча-

стию в походах на дунайские города, не могли миновать район Киева. Город близ устья Десны запирает пути всего необъятного бассейна верхнего Днепра (около 200 тысяч квадратных километров), и властитель этих мест приобретал во много раз большую роль по сравнению с обычным князем племени или даже союза племен. От воли (и возможностей) того, кто обладал этим исключительно важным пунктом, зависели десятки племен, чьи князья стремились провести свои дружины на юг. Именно в это время и потребовалось создать новую крепость на неприступной горе над Днепром. От холмов у торгового Подола и речных пристаней князю Кию, жившему на одном из таких холмов (Замковой горе), нужно было перейти на самую высокую точку днепровского берега и построить там крепость, которая позволяла бы обозревать течение Днепра на 20 километров до Вышгорода и устья Десны. Контролируя такую магистраль, как Днепр, князь Кий мог взимать любую дань как с тех, кто плыл с верховий Днепра или по Десне, по Припяти, так и с тех, кто, обогатившись добычей на юге, возвращался в свои кривичские, древлянские, дреговичские или радимичские леса. Дружины из племенных союзов могли вливаться в войска князя полян и вместе с ними воевать против кочевников и пробиваться к Дунаю.

Град князя Кия на горе не разрастался, поскольку то была пора не строительства, а походов, не производства, а трофеев. Однако историческая роль Киева начиная с этого времени непрерывно возрастает. По всей вероятности, именно в этот период происходит слияние в один большой союз нескольких лесостепных славянских племен; Руси (по реке Роси и Днепру), Северян (по Десне и Сейму) и Полян, живших севернее Роси, вокруг Киева. Первенство в новом союзе, можно думать, первоначально принадлежало русам; возможный центр этого племени близ устья Роси мог находиться на Княжьей горе, где ныне могила Шевченко. В какой-то момент первенство переходит к Киеву, и именно вокруг него и консолидируются восточнославянские племена.

Союз среднеднепровских славянских племен назывался Русью, «Русской землей» (в узком смысле), но столицей этого союза становится полянский Киев, что потребовало от летописца специального пояснения: «поляне, которых теперь называют Русью», — но он же назвал Киев «матерью городов русских».

Дальнейшие события в восточнославянском мире подтвердили устойчивое положение Киева как главного центра объединения и защиты славянства. К рубежу VI—VII веков завершилось заселение Балканского полуострова славянами; славяне восточной половины полуострова получили от тюрков-болгар свое новое собирательное имя, ассимилировали тюрков и сохранили большую близость к восточным славянам («антам»), от которых они откололись в VI веке.

Степи были заняты новыми ордами кочевников, среди которых выделялись хазары. Летописец с гордостью говорит о том, что когда хазарский хан потребовал дани с земли полян, то поляне вместо дани дали меч — символ вооруженной независимости.

Примерно в это же время (точно оно, к сожалению, не обозначено, может быть, это рубеж VIII—IX веков) приднепровский союз перерастает в суперсоюз, объединяющий несколько союзов славянских племен. Летопись перечисляет их: Русь, Поляне, Древяне, Полочане, Дреговичи, Север. Все они входят в общее понятие Руси. Это почти половина восточных славян. Такой союз, охватывавший территорию около 120 тысяч квадратных километров и про-

стиравшийся на 700 километров на север, вплоть до Западной Двины, или уже был настоящим государством, или становился им. Для середины X века, когда Киевская Русь уже вполне оформилась, византийский император и писатель Константин Багрянородный сообщает нам интереснейшие подробности управления и эксплуатации в подобном государстве. Киевский князь со своей дружиной выезжал из Киева на всю зиму в полюдь. При описании маршрута полюдья перечислены почти все те же племенные союзы: Древляне, Дреговичи, Полочане, Северяне; добавлен обширный союз Кривичей. Во время полюдья его участники полгода кормились за счет подданных и собирали дань с населения мехами, медом, воском. К весне князь возвращался в Киев, а все собранное за зиму отправлялось на мировые рынки. Один маршрут, подробно описанный Константином, вел вниз по Днепру в Черное («Русское») море и далее к берегам Болгарии и в столицу Византийской империи Царьград — Константинополь. Арабские и иранские авторы IX—XI веков пишут и о другом направлении киевской внешней торговли того времени. Во-первых, существовал сухопутный маршрут Киев—Булгар на Волге (близ Казани), разделенный на 20 дорожных станций. Во-вторых, киевские купцы и дружинники ездили и на богатый Восток: исходная точка — опять Киев; далее вниз по Днепру, затем, огибая Крым, в Керченский пролив и Азовское море, далее вверх по Дону, волоком в Волгу и мимо хазарской столицы Итиля (где платилась высокая пошлина) в Каспий. Русы, по свидетельству современника, высаживались на любом берегу «Хорезмийского моря», как называл Каспий летописец. Один из иранских авторов IX века, Ибн Хордадбех, осведомленный о делах русов, так как они должны были проезжать через подведомственную ему область (он был начальником почт на южном берегу Каспийского моря), сообщает, что русы на верблюдах достигают Месопотамии и Багдада. В другом направлении их караваны направлялись на восток в далекий Балх, на территории нынешнего Афганистана.

Киевским историкам средневековья было чем гордиться, когда они сравнивали свой город с Римом и Александрией, — Киев был столицей крупнейшего в Европе феодального государства, он успешно оградил славянские народы от наездов кочевников; принимал товары разных стран и сам наладил ежегодные связи с Византией, арабским Халифатом и Западной Европой. Киевские князья породнились с императорскими и королевскими домами Византии, Венгрии, Франции, Польши, Англии, Швеции, Норвегии. И всю историю Руси киевский историк начинает с ответа на вопрос: «Откуда есть пошла Русская земля и кто в Киеве нача первое княжити?..»

Мы теперь можем определить, что Киев начал играть историческую роль с момента своего основания; он возник как историческая необходимость полторы тысячи лет назад и с честью пришел к своему славному юбилею.

Не только братские славянские народы — украинцы, русские и белорусы, но и вся семья советских народов приветствует старейший славянский город, город-герой Киев. ◆